

JEZYK W OPISIE I W DZIAŁANIU

Aleksander Kiklewicz
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Языковая картина мира в свете проблемы «язык и культура»

Language picture of the world in the light of the problem of “language and culture”

Abstrakt

Artykuł porusza ważny problem teoretyczny współczesnej antropologii języka – stosunek kategorii „językowy obraz świata” do problemu relacji między językiem a kulturą. We współczesnej etnolingwistyce panuje przekonanie, że językowy obraz świata stanowi kontynuację kultury, jest przejawem szczególnej, „kulturowej” wizji świata. Autor przytacza argumenty na rzecz koncepcji, zgodnie z którą semantyka językowa i kulturowo uwarunkowany obraz świata pokrywają się tylko w pewnym stopniu. Pokazano, że istnieją sfery używania języka, w których językowy i kulturowy obrazy świata znajdują się w opozycji do siebie. Argumenty autora są poparte przykładami z języka rosyjskiego i innych języków słowiańskich.

Słowa kluczowe: lingwistyka kulturowa, etnolingwistyka, językowy obraz świata, heurystyczna funkcja języka, pragmatyka bez semantyki

Abstract

The article touches upon an important theoretical problem of modern anthropology of language, i.e. the connection of the category “language picture of the world” and the problem of relationships between language and culture. In contemporary ethnolinguistics, there is an idea that the language picture of the world is a continuation of culture, a manifestation of a special, “cultural” vision of the world. The author quotes arguments in line with which the language semantics and the culture-conditioned picture of the world coincide only to some extent. It is shown that there are several spheres of language use in which the linguistic and cultural pictures of the world are opposed. The presented arguments are supported by examples from Russian and other Slavic languages.

Key words: cultural linguistics, ethnolinguistics, language picture of the world, heuristic function of language, pragmatics without semantics

Предметом данной статьи являются некоторые спорные проблемы культурной лингвистики с точки зрения антропологии культуры и социологии знаний. Данное направление занимает важное место в современной лингвистике, а заслуги славянского языкознания (особенно польской и русской школ этнолингвистики) являются общепризнанными. Тем не менее некоторые теоретические проблемы остаются открытыми. Это в первую очередь касается интерпретации категории языковой картины мира с учетом диалектических отношений между языком и культурой.

1

Для разных версий современной «открытой» лингвистики характерен экспланиационный подход, т.е. объяснение функционирования языковых систем. Этот подход представляет собой альтернативу для дескриптивизма как программной установки структурной лингвистики. Вышеупомянутое «объяснение» возможно благодаря диахронической информации о предыдущих стадиях языка (см. Леви-Стросс 1985: 28) или синхронической информации о мотивирующих контекстах (см.: Tabakowska 2001: 30) – таких, как 1) природная среда, производственная деятельность, уклад жизни, 2) социальная система и 3) духовная культура, культурная картина мира, система ценностей.

Экспланиационный подход лежит в основе культурной лингвистики как одного из главных направлений антропологического языкознания, ср. высказывание Н. И. Толстого: «Язык может рассматриваться как орудие культуры, даже как одна из ее ипостасей [...] и как таковой может описываться через признаки, общие для всех явлений культуры» (1995: 36). Из «всех явлений культуры» культурная лингвистика выделяет познавательный фактор, выдвигая свой программный тезис: языковая система отражает коллективное знание (комплекс «культурных смыслов», см.: Ковшова, см. 2013: 70), которое формируется в определенных социальных и физических условиях. Это коллективное знание получает отражение в языковой картине мира (ЯКМ). По убеждению С. М. Толстой, «за всеми формами культуры и языком стоит одна и та же картина мира» (1996: 235).

Нет оснований для того, чтобы оспаривать общий тезис о зависимости языка от внешней среды, в том числе культурной. В то же время понятие ЯКМ вызывает серьезные теоретические проблемы. Во-первых, определение ЯКМ как опосредованной совокупности знаний, объекти-

вированной, главным образом, в лексико-фразеологических единицах (Голованова и др. 2016: 38), означает, что фактически мы не имеем дела с *языковой* картиной, а только – с *лексико-фразеологической*. Е. Бартминский (Bartmiński 2006: 13) признает, что факты грамматического строя языка (в отличие от лексических фактов) не могут быть однозначно интерпретированы с культуроцентрической точки зрения.

Б. А. Серебренников (1988: 76) справедливо критиковал тезис о том, что «язык отражает мир»: отношение языка к миру опосредовано познавательной деятельностью. Языковые формы служат для репрезентации понятий/концептов, которые отражают действительность в таком объеме, который требуется для коммуникативного взаимодействия в тех или иных (типовых) условиях.

Во-вторых, ЯКМ не является *картиной* – в том смысле, что не представляет собой никакой целостной или замкнутой информационной системы. В общенародном языке аккумулируются результаты познавательной деятельности людей в течение многих столетий, к тому же относящиеся к разным сферам и часто сформированные под влиянием других культур. Такой, эклектичный характер имеют многие семантические категории (см.: Шмелев 2002: 38 и др.). В силу этого научно достоверная реконструкция национальной психологии (национального характера, менталитета, коллективной идентичности и т.д.) на основании языкового материала принципиально невозможна.

В-третьих, вызывает сомнение и последний элемент в составе ЯКМ. Язык не выражает *мир*, в частности, внешнюю действительность непосредственным образом. Неслучайно В. Джемс писал, что языковые знаки «более характеризуют нас, чем саму (называемую. – А. К.) вещь» (1981: 15). Тем самым ЯКМ, по существу, представляет собой разнородное множество закрепленных в языке (в формах номинативных знаков и формах их сочетаемости) способов отражения мира в сознании людей, относящихся к разным эпохам и разным социальным группам. Нельзя согласиться, что ЯКМ – это «определенный способ восприятия и устройства мира» (Зализняк/Левонтина/Шмелев 2005: 9).

Языковые единицы лишены каких-либо специальных формальных показателей их мотивации: языковые знаки не имеют этикеток типа „Made in ...”. Поэтому лингвистическая реконструкция культуры требует привлечения дополнительного материала и часто субъективна. Можно ли, например, делать выводы о «народной психологии» поляков и русских на основании того, что существительное *widelec*

в польском языке мужского рода, а существительное *вилка* в русском языке – женского?

В связи с этим представляется закономерным, что в среде этнолингвистов наблюдается некоторое охлаждение к культурализму: исследователи, видимо, начинают осознать, что понятие культуры как инструмент лингвистического анализа слишком неоднозначно. Например в работе Bartmiński/Chlebda 2008: 13 в качестве главного фактора языковой деятельности рассматривается коллективная идентичность (польск. *tożsamość zbiorowa*).

2

В работах Kiklewicz 2016: 81 и др.; 2017a: 318 и др. были введены два типа детерминации в отношении между языком и культурой: с одной стороны – содержательная, онтологическая, с другой стороны – фактовая, эпистемологическая. В первом случае содержание культурных фактов непосредственно (симптоматически) отражается (в определенном смысле повторяется) в языковой системе – в форме, содержании, сочетаемости языковых единиц и их парадигматических отношениях (в составе и структуре лексико-семантических классов). Например, мануфактурная и промышленная продукция в Европе (особенно в Англии и Шотландии в XVIII–XIX вв.) обусловила создание обширных технических терминологий, в частности, систем составных терминов (см. Zaniewski и др. 2016: 164).

Во втором случае языковые рефлекссы культурной детерминации имеют символический характер: культура выступает лишь как сцена языковой деятельности, а язык и культура находятся в отношении коокуренности. В этом случае ни форма, ни содержание языковых единиц прямо не указывают на внешние условия, которые сопутствовали их появлению – этот фактор, если мы о нем ничего не знаем, никак не проявляется в языковом материале. Совершенно понятно, что языковые факты этого рода (большинство грамматических явлений) не пригодны для реконструкции культуры (подробнее см. Kiklewicz 2016: 90 и др.).

Подобная амбивалентность присуща и ЯКМ. С одной стороны, ЯКМ представляет собой репрезентативный феномен – отражение культурной картины мира как комплекса понятий, представлений, суждений, оценок, лежащих в основе интеллектуальной деятельности представителей определенного сообщества. Е. В. Рахилина

(2000: 11 и др.) определяет ЯКМ как «тот образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит и понимает». В этом случае в содержании понятия доминирует второй член: *языковая КАРТИНА МИРА*. Тем самым подчеркивается функциональная природа языка – в оппозиции к его трактовке как имманентной системы в теории структурализма.

С другой стороны, ЯКМ представляет собой эвристический феномен: форма, структура и сочетаемость языковых единиц используются для реконструкции внешних (прежде всего культурно-познавательных) предпосылок их возникновения и употребления, альтернативных по отношению к схемам и моделям «реальной» культуры. В этом случае в содержании понятия главная роль отводится прилагательному: *ЯЗЫКОВАЯ картина мира*, что означает оппозицию языкового и культурного. Необходимость в ссылке на *ЯЗЫКОВУЮ картину мира* возникает тогда, когда закодированная в языковой конструкции (в частности, в структуре производного слова) семантическая интерпретация объекта не соответствует реальной, т.е. коллективной или индивидуальной точке зрения, другими словами – как объяснение «на крайний случай» (при отсутствии других объяснений). ЯКМ при таком подходе представляет собой специфический «мир (языковых) значений», о котором писал В. А. Звегинцев (1967: 62).

Подобным же образом С. Г. Тер-Минасова (2004: 47 и др.), различая реальную, культурную и языковую картины мира, подчеркивает: «Язык – часть культуры, но и культура – только часть языка». Другими словами (если вернуться к высказыванию Рахилиной), то, что «человек имеет в виду, когда говорит и понимает», необязательно совпадает с тем, что человек знает (когда он, например, молчит). Так, фразеологизм *уйти по-английски* со значением ‘уйти, не попрощавшись’ мог бы послужить основанием для утверждения, что русские считают данную особенность поведения характерной для англичан. Однако не существует достоверных (психологических или социологических) данных, которые бы подтверждали эту гипотезу. Маловероятно, что большинству носителей русского языка известно, что упомянутый фразеологизм был заимствован из французского языка, а появился он (в соответствии с одной из версий) в условиях Семилетней войны 1756–1763 гг., когда английские солдаты самовольно покидали воинские части. Англичане, кстати, одновременно употребляли (в том же значении) выражение *to take French leave* (*уйти по-французски*), однако в русский язык попал именно французский вариант.

3

Проблеме семантических фантомов, т.е. языковых знаков, содержащих в себе контрфактическое представление называемых предметов, состояний, положений дел, всецело посвящена монография Kiklewicz 2017b, в которой можно найти много примеров расхождения ЯКМ с реальным восприятием действительности. Например, в русском языке, начиная с первой половины XX века, получил распространение фразеологизм *брatья наши меньшие*, называющий животных. Он встречается в известном стихотворении Сергея Есенина:

- (1) Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве,
И зверье, как *брatьев наших меньших*,
Никогда не бил по голове.

Это выражение, однако, со всей очевидностью противоречит реальным фактам и нашим знаниям о мире: в научной картине мира человек появляется в результате эволюции приматов. Подобным же образом в Ветхом Завете Бог сначала создает животных, а затем – людей¹.

Другой пример: глагол *зарезать* в русском языке употребляется во вторичном значении ‘убить, пережав тело колесами рельсового или автомобильного транспортного средства’. Именно с этим значением глагола мы имеем дело в известной сцене из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»:

- (2) – Вы умрете другой смертью. – Может быть, вы знаете, какой именно?
– с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз, вовлекаясь
в какой-то действительно нелепый разговор, – и скажете мне? –
Охотно, – отозвался незнакомец, [...] – Вам *отрежут* голову! [...]
– Вот же именно его вчера при мне и *зарезало* трамваем на Патриарших.

Использование глагола *зарезать* представляется здесь с логической (или практической) точки зрения мало оправданным, ведь это действие предполагает употребление острого предмета, проникающего внутрь тела живого существа. Действительно ли русские считают,

¹ Согласно замечанию одного из рецензентов, в данном случае не существует противоречия между языковой и культурной картинами мира, так как в большой патриархальной семье (в традиционном укладе жизни русских) младшие дети находились в подчиненном положении у старших – соответственно и животные, находящиеся в услужении у человека, осмыслялись как его младшие братья. С этим нельзя согласиться: во-первых, дети все-таки не осмысляются как «младшие братья»; во-вторых, позиция детей и домашних животных в традиционном семейном укладе принципиально отличается.

что колеса трамвая, поезда или машины настолько острые, чтобы осуществить такое действие? А может быть, за этим выражением скрывается наивное («народное») представление о том, что транспортное средство оснащено специальным режущим модулем, убивающим живые существа, которые оказываются под его днищем? Вряд ли эти предположения имеют под собой основание.

Причин несовпадения языковой и культурной картины мира несколько. В первую очередь сказывается разная скорость изменений в языке и культуре. Э. Сепир в связи с этим писал:

Элементы культуры в силу того, что они служат более непосредственным нуждам общества и легче осознаются людьми, не только изменяются быстрее, чем элементы языковой системы, но и сама форма организации культуры [...] постоянно видоизменяется. Элементы языковой системы, хоть и могут претерпевать определенные изменения, но изменения эти не ведут к полной перестройке всей системы вследствие подсознательного характера грамматической классификации. Сама по себе грамматическая система склонна оставаться неизменной (1993: 282 и др.).

4

В системе языка, как уже указывалось, сопричастствуют элементы, которые относятся к разным эпохам и разным культурным ситуациям, в силу чего содержание ЯКМ имеет эклектичный характер и только отчасти взаимодействует с культурой как системой социальных институтов, упорядоченных в соответствии с необходимостью удовлетворения человеческих потребностей (на разных уровнях организации общества), а также соответствующих им ментальных форм репрезентации внешней действительности, инструментов и продуктов деятельности (артефактов).

Неоднородность ЯКМ связана и с тем, что в развитых обществах наблюдается значительная дифференциация сфер человеческой деятельности и как следствие – «распределение знания» (Бергер/Лукман 1995: 79). А. Моль (2007: 84) в связи с этим пишет, что о современной западной культуре как о мозаичной – она представляет собой «случайное скопление разрозненных элементов». Результатом диверсификации сфер человеческой (коллективной и индивидуальной) деятельности является то, что элементы общего языка (например, основного словарного запаса) в разных сферах получают разную семантическую интерпретацию. С культурной точки зрения язык представляет собой конгломерат диспаратных точек зрения, систем

ценностей, тезаурусов, моделей мира и т.д. Например, специалист в области медицины не обязательно разделяет обыденное утверждение, что «все болезни – от нервов», подобно тому как человеку, далекому от математики, трудно понять значение математического выражения «множество всех множеств».

ЯКМ представляет собой скопление элементов, разнородных по происхождению – и по времени, и по месту, и по сферам деятельности, а кроме того огромное их число имеет заимствованный характер (см. далее). Это является причиной регулярной альтернации языковых элементов, у каждого из которых оказывается своя культурная мотивация. Такая разнородность языкового материала не позволяет представить общую картину национального менталитета. Например, за языковыми выражениями:

- (3) поднять вопрос
- (4) затронуть вопрос
- (5) ставить вопрос

стоят три разные метафорические модели, у каждой из которых, скорее всего, своя культурная (по крайней мере ситуативная, прагматическая) мотивация. При такой разнородности языкового материала невозможно составить целостный «образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит и понимает» (Рахилина, см. выше).

Хотя проблема ЯКМ рассматривается в контексте более общей проблемы «язык и культура» (см. Тер-Минасова 2004: 54), однако обращение к ЯКМ обычно обосновано фактом ее несовпадения с культурной картиной мира. В связи с этим Е. В. Рахилина пишет: «Языковая модель отличается не только от самой действительности: она так своеобразна, что обычно отличается и от всех предлагаемых моделей действительности» (1998: 285). Многие формы отражения действительности, зафиксированные в языковых формах, относятся к историческим и архаическим состояниям культуры (см. Голованов 2014) — на их основании можно лишь гипотетически утверждать, что кто-то когда-то представлял себе мир в образах, которые соответствуют дословному смыслу языковых выражений. Такой способ описания языка не представляет собой никакой исторической ценности, а также не дает никакого представления о современной культуре.

Представители современной этнолингвистики в качестве материала для реконструкции ЯКМ активно используют материал фразеологии и паремологии. За многими из них, однако, стоят представления о мире, которые давно отошли в прошлое. Например, русская пословица

- (6) Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

означает, что достаток и успех не может быть достигнут без усилий. Это убеждение не является, однако, очевидным для современной российской молодежи. Молодые люди сегодня склонны считать, что успех приходит благодаря конъюнктуре и стечению обстоятельств. Одно из таких свидетельств – высказывание на интернет-сайте www.segodnya.ua/lifestyle:

- (7) Мне очень помогают слова любимого мною Григория Сковороды: *«Все нужное человеку дается легко, а все, что приходит тяжело, – ненужно»*. Я всегда следовал этому закону. Взять в пример Моцарта! Говорят, успех – это 10% таланта и 90% труда. *Я считаю, что 90% должно быть у легкости и удовольствия.*

5

В социологии знания исходят из предпосылки, что взаимосвязь между идеальными (т.е. ментальными и языковыми) и реальными (т.е. социальными и материальными) факторами человеческого поведения носит, преимущественно, регулятивный характер – поведение не сводится к культурным программам, закодированным в символических системах (подробнее см.: Бергер/Лукман 1995: 65 и др.). Хотя языковая деятельность в значительной степени детерминирована системой знаний и оценок (т.е. картиной мира), однако важную роль играет также социально-прагматический фактор – материальные и социальные условия человеческой деятельности, ее коллективный или индивидуальный характер, инструменты, атрибуты и др. Расхожее представление о том, что человек говорит то, что думает, упрощает реальное положение дел: языковая (но также и ментальная) деятельность в большей или меньшей степени зависит от условий ее протекания. Эта идея была хорошо разработана в социологии, в частности, в теории установок, уже в середине XX в. (см. Wylie 1961; Goffman 1956; Sherif/Sherif 1965). Она актуальна и в современной теории коммуникации (Brosius/Koschel 2005: 133 и др.). Например, замечено, что в непосредственном контакте человек более осторожен в высказываниях и избегает прямых форм языковой агрессии, которые, однако, чаще появляются в письменных текстах.

С теоретической точки зрения важна не столько тематизация ЯКМ в перспективе культурной лингвистики, сколько попытка найти ключ к пониманию конфигурации двух факторов: идеального (концептосферы) и реального (деятельности).

При интерпретации языкового поведения и его инструментов – высказываний и текстов, мы обычно стремимся показать его психологическую основу, а именно – смысл, который заложен в языковых репрезентациях. В связи с этим по умолчанию делается допущение, что за языковыми формами стоит картина мира. Но речевое поведение не обязательно и не всегда соответствует этой схеме. Человек не столько стремится к выражению некоторых смыслов (по крайней мере в некоторых типах дискурсов), сколько к социальной интеграции, т.е. его поведение во многом носит конформистский, подражательный характер. Когда человек в соответствующих ситуациях произносит соответствующие выражения только потому, что так поступают другие, мы имеем дело с прагматикой без семантики – языковой материал в этом случае не имеет отношения к ментальной репрезентации мира.

Например, для понимания симфонического творчества Густава Малера важен факт, что, как читаем в аннотации к одной из его пластинок, «Малер не принадлежал к числу композиторов, сочиняющих постоянно и имеющих возможность испробовать различные жанры творчества. Будучи оперным дирижером, он был всецело поглощен своими театральными обязанностями и лишь во время летних каникул мог сосредоточиться на творчестве. И тогда создание большой симфонии как бы концентрировало все то, что волновало Малера на протяжении целого года. Отсюда индивидуальный склад создаваемых им симфоний: каждая из них отражает переживания и целое мировоззрение композитора, характерное именно для данного периода». Это не отрицает, конечно, психологического фактора художественного творчества, но дает понять, насколько важны внешние («реальные») факторы².

Прагматика без семантики представлена целым рядом типовых ситуаций речевого поведения, в которых языковая репрезентация присущих субъекту знаний и мнений имеет вторичный характер и подчинена соображениям консенсуального и окказионального характера. Речевое поведение в определенной степени носит репродуктивный, подражательный характер (см. Киклевич 2017: 14). Групповой конформизм (например, в известной концепции *other-directed people* Д. Рисмэна) предполагает не столько идеологическую, мировоззренческую солидарность субъектов, сколько повторяемость поведенческих

² К числу таких факторов может, например, относиться характер ландшафта (Tschirch 1954: 56).

реакций, в том числе и форм речевого поведения. Члены одной и той же группы культивируют определенные стереотипы, например, слоганы, однако зачастую без понимания их смысла. Содержание (концептуальное содержание, по Р. Барту) языковых выражений, таким образом, сводится к указанию на определенный социальный контекст. Так ведет себя человек, который, произнося (а фактически повторяя, воспроизводя) молитву, не понимает значения слов. Подражательный характер имеют многие современные дискурсы (особенно реализуемые в социальных интернет-сетях).

Подобное явление наблюдается в религиозной коммуникации. Как пишет Н. Б. Мечковская (1996: 79), уровень понимания конфессиональных текстов (литургических, канонических, гомилетических и др.) является разным для клириков и мирян (профетический язык этих текстов недоступен для массы). В силу этого принадлежность к сообществу во многом сводится к послушному выполнению религиозных ритуалов (Мечковская 1998: 78).

Прагматическая детерминация речевого поведения наиболее ярко проявляется в эпигоническом дискурсе. Такой характер имеют многие тексты фольклора: представленный в них порядок вещей кажется несурзным с объективной точки зрения, зато он соответствует некоторому шаблону, который автор текста (а также его получатели) считает непреложным. В одной из публикации на тему фольклорной картины мира мы читаем:

Язык и фольклор, действительно, представляют собой две многофункциональные системы познания и интерпретации мира, выступающие двумя ипостасями одного целого (культуры) и обеспечивающие полноценное существование человека. И та, и другая система связана с миром действительным и миром идеальным, воображаемым. Но если язык в большей степени ориентирован на существование человека в реальном, вещно-событийном мире, поскольку является необходимым инструментом коммуникации, планирования и осуществления человеческой деятельности, то фольклор как художественная система (совокупность текстов, образов и сюжетов) обращен, скорее, к идеальному миру (не к тому, что есть, а к тому, что должно быть), поскольку концентрирует в себе основополагающие для коллектива ценности, оценки и стереотипы (Голованова/Голованов/Казачук 2016: 36; см. также: Березович 2000: 17).

Рассмотрим с этой точки зрения украинскую народную песню:

- (8) Чом ти не прийшов,
Як місяць зійшов?
Я тебе чекала.
Чи коня не мав,
Чи стежки не знав,
Мати не пускала?

І коня я мав,
 І стежку я знав,
 І мати пускала.
 Найменша сестра,
 Бодай не зросла,
 Сідельце схвала.

А старша сестра
 Сідельце знайшла,
 Коня осідлала:
 «Поїдь, братику,
 До дівчиноньки,
 Що тебе чекала». [...]

Если проанализировать этот текст с точки зрения социальных отношений, бросается в глаза доминирующая роль женщины в традиционной украинской семье. Чтобы поехать на свидание с любимой, молодой человек должен получить разрешение матери. Его поступки зависят также от сестер. Если исходить из предпосылки, что сочетаемость слов «в большом числе случаев семантически мотивирована» (Рахилина 2000: 10), следовало бы утверждать, что за данным прецедентным текстом стоит устойчивое представление о приоритете женщины в традиционном укладе жизни украинцев. Однако нет уверенности, что песня отражает реальные социальные отношения в рамках украинского (тем более исторического) этноса. Скорее всего, мы имеем дело с игровым сценарием, представлением социальных отношений по принципу «как будто» — характерной чертой художественных текстов.

6

Упрощением является представление о психологической, идеационной природе языка как системе форм репрезентации культурно обусловленных смыслов. Современные лингвокультурологи сводят понимание культуры к системе ментальных репрезентаций. Например, М. Л. Ковшова определяет культуру

как пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов, или вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов (Ковшова 2013: 70).

Это никоим образом не исчерпывает понятия культуры как системы социальных институтов, функционально упорядоченных в соответствии с необходимостью удовлетворения человеческих потребностей (Kiklewicz 2019: 179).

Закрепленные в языке смыслы формируются и выражаются в определенных социально-прагматических условиях. В связи с этим Рахилина ссылается на мнение французского лингвиста К. Ажежа (С. Hagège): «Эта – когнитивная – составляющая языка не является главенствующей, потому что прежде всего язык есть средство коммуникации». Рахилина добавляет к этому:

[...] Если в представлении языка перенести акцент с «долговременной» процедуры восприятия, членения действительности и затем представления этой информации в некотором стабильном, принятом для данного языка виде (ср. картина мира) на «сиюминутную» процедуру общения, включающую мгновенную настройку на собеседника, тему – т.е. в сущности, на речь, а не на язык, то, конечно, сама идея описания отраженного языком мира отпадает, оказываясь избыточной (2000: 16).

В отличие от «сиюминутных» речевых употреблений языковая компетенция включает правила употребления и типовые формы речевых сообщений в типовых ситуациях межличностной и массовой коммуникации. Эти формы (например, речевой этикет) в такой же степени составляют понятие культуры, как и закрепленные в языке стереотипные представления о мире. На это указывает концепция контингентного поведения, о которой, ссылаясь на М. Вебера, пишет А. Е. Сериков (2003: 104).

7

ЯКМ исследуется в современной лингвистике в связи с проблемой отношений между языком и культурой. В действительности же ЯКМ имеет к культуре косвенное отношение. Мотивация языковых форм и структур только отчасти объясняется современным состоянием культуры (в частности, характерным для современного общества миропониманием) – в основном же она связана с прошлым – с архаическими и даже примитивными формами знания.

Реконструкции национальной культуры на базе языкового материала препятствует тот факт, что современные литературные языки сформировались в результате контактов с другими языками – значительное число языковых единиц имеет заимствованный характер. Поэтому В. М. Мокиенко справедливо критикует идею «монокультурной картины мира», приверженцы которой, по его мнению, «мало обращают внимание, [...] что поиски национально специфического в фольклоре всегда органически уживались с признанием общечеловеческого и общеевропейского» (2007: 51; см. также: Шафиков 2019).

Культурологическая и антропологическая интерпретация ЯКМ относительно обоснована только в тех случаях, когда внешнее воздействие на языковое сообщество минимализировано. Это имеет место, например, в так называемом «народном языке», особенно в диалектах. Так, Н. И. Толстой писал о языке как о зеркале народной культуры: «Народный язык, говоры, народные обряды, представления и вся народная духовная культура вкупе с элементами включенной в нее материальной культуры представляют собой единое целое [...]» (1995: 21). Толстой, однако, не считал, что это справедливо по отношению к общенародному, литературному языку, за которым стоит элитарная, многомерная культура (ср. упомянутое ранее понятие «мозаичной культуры»). Неслучайно польская и русская традиция этнолингвистики сформировалась на базе исследований народного языка и фольклора (см.: Anusiewicz 1994: 11). Именно исследование народного языка, а также языка субкультур (так называемых социолектов) представляется в этой области наиболее перспективным. Кроме этого (на что указывалось в работе: Kiklewicz 2017: 63 ссл.) изучение ЯКМ важно для лингвоэкологии, а именно — при исследовании дисфемизмов, т.е. устойчивых, закрепленных в системе языка языковых форм и сочетаний, семантическая мотивация (внутренняя форма) которых не соответствует современному пониманию стоящих за ними реалий (их денотатов).

Литература

- Бартми́нский Е. (2005): *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. Москва.
Bartmiński E. (2005): *Ázykovej obraz míra: očerki po ètnolingvistike*. Moskva.
Бергер П./Лукман Т. (1995): *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва.
Berger P./Luckmann T. (2000): *Social'noe konstruïrovanie rea'nosti. Traktat po sociologii znanija*. Moskva.
Березович Е. Л. (2000): *Об асимметрии языковых и культурных стереотипов в свете проблемы язык и миф*. [В:] *Язык. Система. Личность*. Ред. Е. Л. Березович, И. В. Родионова. Екатеринбург, с. 11–21.
Berezovič E. L. (2000): *Ob assimetrii ázykovyh u kul'turnyh stereotipov v svete problemy ázyk i mif*. [V:] *Ázyk. Sistema. Ličnost'*. Red. E. L. Berezovič, I. V. Rodionoca. Ekaterinburg, s. 11–21.
Герд А. С. (2005): *Введение в этнолингвистику*. Санкт-Петербург.
Gerd A. S. (2005): *Vvedeniye v ètnolingvistiku*. Sankt-Peterburg.
Голованов И. А. (2014): *Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.)*. Москва.
Golovanov I. A. (2014): *Konstanty fol'klornogo soznaniya v ustnoj narodnoj proze Urala (XX–XXI vv.)*. Moskva.

- Голованова Е. И./Голованов, И. А./Казачук И. Г. (2016): *Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий*. «Научный диалог» 8 (56), с. 34–45.
- Golovanova E. I./Golovanov, I. A./Kazačuk I. G. (2016): *Ázykovaá kartina mira vs. folklornaá kartina mira: točki soprikosnoveniá i različiĵ*. «Naučnyj dialog» 8 (56), s. 34–45.
- Гумбольдт, В. фон (1984): *Избранные труды по языкознанию*. Москва.
- Humboldt W. von (1984): *Izbrannye trudy po ázykoznaniiu*. Moskva.
- Джемс В. (1981): *Мышление*. [В:] *Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления*. Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Пастухов. Москва, с. 11–20.
- James W. (1981): *Myšlenie*. [V:] *Hrestomatiá po obšej psihologii. Psihologiá myšleniá*. Red. Ů. B. Gíppenrejter, V. V. Pastuhov. Moskva, s. 11–20.
- Зализняк, Анна А./Левонтина А. Б./Шмелев А. Д. (2005): *Ключевые идеи русской картины мира*. Москва.
- Zaliznák, Anna A./Levontina A. B./Šmelev A. D. (2005): *Klíčevye idei ruskogoj kartiny mira*. Moskva.
- Звегинцев В. А. (1967): *Теоретическая и прикладная лингвистика*. Москва.
- Zvegincev V. A. (1967): *Teoretičeskaá i prikladnaá lingvistika*. Moskva.
- Киклевич А. (2017): *Языковая картина мира как проблема антропологической лингвистики*. «Филологические науки» 1, с. 9–16.
- Kiklewicz A. (2017): *Ázykovaá kartina mira kak problema antropologičeskoj lingvistiki*. «Filologičeskie nauki» 1, s. 9–16.
- Ковшова М. Л. (2013): *Лингвокультурологический метод во фразеологии*. Москва.
- Kovšova M. L. (2013): *Lingvokul'turologičeskijmetod vo frazeologii*. Moskva.
- Леви-Строс К. (1985): *Структурная антропология*. Москва.
- Levi-Strauss C. (1985): *Strukturnaá antropologiá*. Moskva.
- Мечковская Н. В. (1996): *Социальная лингвистика*. Москва.
- Mečkovskaá N. V. (1996): *Social'naá lingvistika*. Moskva.
- Мечковская Н. В. (1998): *Язык и религия*. Москва.
- Mečkovskaá N. V. (1998): *Ázyk i religiá*. Moskva.
- Мокненко В. М. (2007): *Языковая картина мира в зеркале фразеологии*. [В:] *Frazeologia a językowe obrazy świata przelotu wieków*. Red. W. Chlebda. Opole, s. 49–66.
- Mokienko V. M. (2007): *Ázykovaá kartina mira v zerkale frazeologii*. [V:] *Frazeologia a językowe obrazy świata przelotu wieków*. Red. W. Chlebda. Opole, s. 49–66.
- Моль А. (2007): *Социодинамика культуры*. Москва.
- Moles A. (2007): *Sociodinamika kul'tury*. Moskva.
- Рахилина Е. В. (1998): *Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты*. «Семиотика и информатика» 36, с. 274–324.
- Rahilina E. V. (1998): *Kognitivnaá semantika: istoriá, personalii, idei, rezul'taty*. «Semiotikai informatika» 36, s. 274–324.
- Рахилина, Е. В. (2000): *Когнитивный характер предметных имен. Семантика и сочетаемость*. Москва.
- Rahilina, E. V. (2000): *Kognitivnyĵ harakter predmetnyh imen. Semantika i sočetaemost'*. Moskva.
- Серебренников Б. А. (ред.) (1988): *Роль человеческого фактор в языке*. Москва.
- Serebrennikov B. A. (red.) (1988): *Rol' čelovečeskogo faktor v ázyke*. Moskva.
- Спир, Э. (1993): *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва.
- Sapir E. (1993): *Izbrannye trudy po ázykoznaniiu i kul'turologii*. Moskva.
- Сериков А. Е. (2003): *Проблема двойной контингенции взаимодействия и смысловая связь событий*. [В:] *Mixtura verborum 2003: возникновение, исчезновение, игра*. Ред. С. А. Лишаев. Самара, с. 102–119.

- Serikov A. E. (2003): *Problema dvojnoj kontingencii vzaimodejstviâ i smyslovaâ svâz' sobytij*. [V:] *Mixtura verborum 2003: vozniknovenie, isščeznovenie, igra*. Red. S. A. Lišaeв. Samara, s. 102–119.
- Тер-Минасова С. Г. (2004): *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва.
- Ter-Minasova S. G. (2004): *Âzyk i mežkul'turnaâ komunikaciâ*. Moskva.
- Толстая С. М. (1996): *Этнолингвистика*. [В:] *Институт славяноведения и балканистики. 50 лет*. Ред. С. М. Толстая. Москва, с. 235–248.
- Tolstaâ S. M. (1996): *Ĕtnolingvistika*. [V:] *Institutslavânovedeniâ i balkanistiki. 50 let*. Red. S. M. Tolstaâ. Moskva, s. 235–248.
- Толстой Н. И. (1995): *Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва.
- Tolstoj N. I. (1995): *Âzyk i narodnaâ kul'tura: Očerki po slavânskoj mifologii i ĕtnolingvistike*. Moskva.
- Шафиков С. (2019): *Язык, ментальность и «языковой менталитет»*. „Przegląd Wschodnioeuropejski” X/1, с. 399–418.
- Šafikov S. (2019): *Âzyk, mental'nost' i „âzykovej mentalitet”*. „Przegląd Wschodnioeuropejski” X/1, s. 399–418.
- Шмелев А. Д. (2002): *Русская языковая модель мира. Материалы к словарю*. Москва.
- Šmelev A. D. (2002): *Russkaâ âzykovaâ model' mira. Materialy k slovarû*. Moskva.
- Anusiewicz J. (1994): *Lingwistyka kulturowa: zarys problematyki*. Wrocław.
- Bartmiński J./Chlebda W. (2008): *Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów?* „Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury” 20, s. 11–27.
- Brosius H.-B./Koschel, F. (2005): *Methoden der empirischen Kommunikationsforschung. Eine Einführung*. Wiesbaden.
- Goffman E. (1956): *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City/New York.
- Kiklewicz A. (2016): *В каком смысле язык детерминирован культурой? О предмете и границах лингвокультурологии (II)*. „Przegląd Rusycystyczny” 1 (153), s. 81–109.
- Kiklewicz A. (2017a): *Язык а культура: два типа детерминации*. [W:] *Barwy słów. Studia lingwistyczno-kulturowe*. Red. D. Filar, P. Krzyżanowski. Lublin, s. 311–330.
- Kiklewicz A. (2017b): *Znaczenie a prawda, Fantomy semantyczne*. Olsztyn.
- Kiklewicz A. (2019): *Постмодернистский авангардизм в языкознании XXI века*. „Przegląd Rusycystyczny” 3(167), с. 172–193.
- Sherif C. W./Sherif M./Nebergall R. E. (1965): *Attitude and Attitude Change: The Social Judgment-Involvement Approach*. Philadelphia.
- Tabakowska T. (2001): *Языкознание когнитивное а поэтика перевода*. Kraków.
- Tschirch F. (1954): *Weltbild, Denkform und Sprachgestalt*. Berlin.
- Wylie R. C. (1961): *The Self Concept: A Critical Survey of Pertinent Research Literature*. Lincoln/Nebraska.
- Zaniewski J./Griniev-Griniewicz S./Nizhneva N. (2016): *Antropolingwistyka dzisiaj: wyniki i perspektywy*. „Scripta Neophilologica Posnaniensia” XVI, s. 157–169.